

Владимир Владимирович
НАБОКОВ
1899 – 1977

Владимир
НАБОКОВ

Бледный огонь

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Н 14

Vladimir Nabokov
PALE FIRE
Copyright © 1962, Vera Nabokov
and Dmitri Nabokov
All rights reserved

Перевод с английского Веры Набоковой
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-03686-4

© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2013
Издательство АЗБУКА®

Посвящаю моей жене

Бледный огонь

Бледный огонь

Поэма в четырех песнях

Пролетают в ее тени, где как будто тихо
покачивается
Призрак качелей моей маленькой дочери.

Сам дом почти не изменился. Одно крыло
Мы обновили. Здесь солярий. Здесь
60 Видовое окно обставлено затейливыми креслами.
Огромная скрепка телеантенны блестит на месте
Негнувшегося флюгера, который часто посещал
Наивный и воздушный пересмешник.
Он пересказывал все слышанные им программы,
Переходя с *чипто-чипто* на ясное
Ту-уи, ту-уи, потом на хриплое: *приди,*
Приди, при-пррр; вскидывая кверху хвост
Или изящно предаваясь легким
Прыжкам вверх-вниз и тотчас же (*ту-уи*),
70 Садясь на свой насест — на новую антенну.

Я был дитя, когда умерли мои родители.
Оба были орнитологи. Я так часто
Пытался их вообразить, что ныне
У меня тысяча родителей. Как грустно они
Тают в собственных добродетелях и удаляются,
Но иные слова, случайно услышанные
или прочитанные, —
Такие как «больное сердце» — всегда относятся
К нему, а «рак поджелудочной железы» — к ней.

Любитель прошлого: сбиратель остывших гнезд.
80 Здесь была моя спальня, отведенная теперь гостям.
Здесь, уложенный в постель горничной-канадкой,
Я прислушивался к жужжанию голосов внизу
и молился,
Чтобы все всегда были здоровы,
Дядья и тетки, горничная, ее племянница Адель,
Видавшая Папу, люди в книжках и Бог.

Меня воспитала милая эксцентричная тетушка Мод,
Поэтесса и художница со склонностью

К конкретным предметам попеременно
С гротескными разрастаниями и образами смерти.
90 Она дожила до крика нового младенца. Ее комнату
Мы оставили нетронутой. Там все мелочи
Складываются в натюрморт в ее стиле: пресс-папье
Из выпуклого стекла с лагуной внутри,
Книга стихов, открытая на оглавлении (Мавр,
Месяц, Мораль), грустящая гитара,
Человеческий череп; и из местной «Стар»
Курьез: «Красные носки» победили «Янки»¹ 5:4
Гомером Чэпмена² — приколотый кнопками к двери.

Мой Бог умер молодым. Богопоклонство я находил
100 Унизительным, а доказательства —
неубедительными.
Свободному не нужен Бог — но был ли
я свободен?
Как полно я ощущал природу прилепленной
ко мне,
И как мое детское небо любило
Полурыбный-полумедовый вкус этой золотой
пастилы!

Книжкой картинок мне в ранние годы служил
Расписной пергамент, которым оклеена наша клетка:
Лиловато-розовые кольца вокруг луны,
кроваво-оранжевое солнце,
Двойная Ирида и это редкое явление —
Ложная радуга, — когда, прекрасное и странное,
110 В ярком небе над горной грядой одинокое
Овальное опаловое облачко
Отражает радугу, следствие грозы,
Разыгранной где-то в далекой долине, —
Ибо мы заключены в искуснейшую клетку.

¹ Две бейсбольные команды.

² Термин в бейсболе. Чэпмен — знаменитый переводчик Гомера.

А еще есть стена звуков, еженощная стена,
Возводимая осенью триллионом сверчков.
Непроницаемая! На полпути к вершине холма
Я останавливался, заполоненный их

исступленной трелью.

Вот свет у доктора Саттона. Вот Большая

Медведица.

120 Тысяча лет тому назад пять минут равнялось
Сорока унциям мелкого песка.

Переглядеть звезды. Вечность впереди

И вечность позади: над твоей головой

Они смыкаются, как гигантские крылья,

и ты мертв.

Обычный мещанин, я полагаю,

Счастливее: он видит Млечный Путь,

Лишь выйдя помочиться. Тогда, как и теперь,

Я шел за собственный свой страх и риск —

иссеченный ветвями,

Подкарауленный подножкой пня. Хромой

и толстый астматик,

130 Я никогда не бил мячом об землю на бегу

и никогда не заносил биты.

Я был тенью свиристеля, убитого

Мнимой далью оконного стекла.

Имея мозг, пять чувств (одно неповторимое),

В остальном я был лишь неуклюжим монстром.

Во сне я играл с другими детьми,

Но, по правде, не завидовал ничему — разве что

Чуду лемнискаты, отпечатанной

На влажном песке небрежно-проворными

Шинами велосипеда.

Нить тончайшей боли,

140 Натягиваемая игривой смертью, ослабляемая,

Не исчезающая никогда, тянулась сквозь меня.

Однажды,

Когда мне минуло одиннадцать и я лежал

Ничком, следя, как заводная игрушка —
Жестяная тачка, толкаемая жестяным мальчиком,
Обогнула ножки стула и ушла под кровать,
В голове моей вдруг грянуло солнце,

А затем — черная ночь. Великолепная чернота;
Я ощущал себя распределенным в пространстве
и во времени:

Одна нога на горной вершине, одна рука
150 Под галькой пыхтящего побережья.
Одно ухо в Италии, один глаз в Испании,
В пещерах моя кровь, и мозг мой среди звезд.
Глухое биение было в моем триасе, зеленые
Оптические пятна в верхнем плейстоцене,
Ледяная дрожь вдоль моего каменного века,
И в нерве локтевом все завтрашние дни.

В течение одной зимы я, каждый день после
полудня,
Погружался в этот мгновенный обморок.
Потом прошло. Почти не вспоминалось.
160 Мое здоровье улучшилось. Я даже научился
плавать.

Но, как мальчонка, принужденный шлюхой
Невинным языком утолять ее гнусную жажду,
Я был развращен, напуган, завлечен,
И, хотя старый доктор Кольт объявил меня
исцеленным

От недуга, по его словам сопутствующего росту,
Измумление длится, и не проходит стыд.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

В моей безумной юности была пора,
Когда я почему-то подозревал, что правда
О посмертной жизни известна
170 Всякому — один лишь я

Не знаю ничего, и великий заговор
Книг и людей скрывает от меня правду.
Был день, когда я начал сомневаться
В здравомыслии человека: как мог он жить,
Не зная, что за рассвет, что за смерть, что за рок
Ожидает сознание за гробом?

И наконец, была та бессонная ночь,
Когда я принял решение исследовать ее и биться
С этой подлой, недопустимой бездной,
180 Посвятив всю мою исковерканную жизнь этому
Единому заданию. Ныне мне шестьдесят один год.
Свиристели
Поклевывают ягоды. Звенит цикада.

Маленькие ножницы в моей руке —
Ослепительный синтез солнца и звезды.
Я стою у окна и подрезаю
Ногти, и смутно сознаю уподобления, от коих
Шарахается их предмет: большой палец —
Сын нашего лавочника; указательный, худой
и мрачный —
Колледжский астроном Стар-Овер Блю;
190 Средний — знакомый мне высокий священник;
Женственный безымянный палец — старая кокетка;
И розовый мизинчик, прильнувший к ее юбке.
И я кривлю рот, подрезая тонкие кожицы,
«Шарфики», как называла их тетка Мод.

Мод Шейд было восемьдесят лет, когда
внезапная тишь
Пала на ее жизнь. Мы видели, как гневный румянец
И судорога паралича исказили
Ее благородные черты. Мы перевезли ее
в Пайндейл,
Известный своим санаторием. Там она сживала
200 На застекленном солнце и следила за мухой,
сидившейся

Ей то на платье, то на кисть руки.
Ее рассудок блекнул в густеющем тумане.
Она еще могла говорить. Она медлила,
нащупывала и находила
То, что сначала казалось годным звуком,
Но самозванцы из соседних келий занимали
Место нужных слов, и вид ее
Выражал мольбу, меж тем как она тщетно пыталась
Урезонить чудовищ своего мозга.

Какой момент при постепенном распаде
210 Избирает воскресение? Какие годы? Какой день?
Кто держит секундомер? Кто перематывает ленту?
Везет ли менее иным, иль ускользают все?
Вот силлогизм: *другие люди умирают, но я
Не другой; поэтому я не умру.*
Пространство есть роение в глазах, а время —
Звон в ушах. И в этом улье я
Заперт. Но *если бы* до жизни
Нам удалось ее вообразить, то каким безумным,
Невозможным, невыразимо диким, чудным вздором
220 Она нам показаться бы могла!

Зачем же разделять вульгарный хохот? Презирать
Загробный мир, чьего существования нельзя
проверить?
Рахат-лукум турецкого рая, будущие лиры, беседы
С Сократом и Прустом в кипарисовых аллеях,
Серафима с шестью фламинговыми крылами,
Фламандский ад с его дикобразами и прочим?
Беда не в том, что нам снится слишком
необычайный сон:
А в том, что мы его не можем сделать
Достаточно невероятным: все, что можем мы
230 Придумать, — это только домашнее привидение.

Как смехотворны эти попытки перевести
На свой особый язык всеобщую судьбу!

Вместо божественно лаконичной поэзии —
Бессвязные заметки, подлые стишки бессонницы!

Жизнь — это весть, нацарапанная впотьмах.
Без подписи.

Подмеченный на сосновой коре,
Когда мы шли домой в день ее смерти, —
Прильнувший к стволу пустой изумрудный
футлярчик,

Плоский и пучеглазый, и в пару к нему
240 Увязший в смоле муравей.

Тот англичанин в Ницце,
Гордый и счастливый лингвист: *je pougjis*
*Les pauvres cigales*¹ — хотел сказать, что он
Кормит бедных чаек²!

Лафонтен неправ:
Мандибула мертва, а песнь живет.

И вот я подстригаю ногти, и раздумываю, и слышу
Твои шаги наверху, и все как быть должно,
моя дорогая.

Сибилла, во все наши школьные дни я сознавал
Твою прелесть, но влюбился в тебя
На пикнике выпускного класса

250 У Нью-Уайского водопада. Мы завтракали
на сырой траве.

Наш учитель геологии обсуждал водопад.

Рев воды и радужная пыль

Сообщали романтизм прирученному парку.

Я полулежал

В апрельской дымке прямо позади

Твоей стройной спины и смотрел, как твоя

гладкая головка

¹ Я кормлю бедных цикад (Крылов перевел «стрекоза» вместо «цикада»).

² Чайка по-английски «sea gull».

Склонялась набок. Одна ладонь с вытянутыми
пальцами
Опиралась на траву меж звездой триллиума
и камнем.

Маленькая косточка сустава
Подрагивала. Потом ты обернулась и подала мне
260 Наперсток яркого металлического чая.

Твой профиль не изменился. Блестящие зубы,
Покусывающие осторожную губу; тень под
Глазами от длинных ресниц; персиковый пушок,
Окаймляющий скулу; темно-коричневый шелк
Волос, зачесанных кверху от висков и затылка;
Очень голая шея; персидский очерк
Носа и бровей — ты все это сохранила;
И в тихие ночи мы слышим водопад.

Приди и дай поклоняться себе, приди и дай себя
ласкать,
270 Моя темная, с алой перевязью, Vanessa,
моя благословенная,

Моя восхитительная atalanta! Объясни!
Как ты могла в сумраке Сиреневого переулка
Дать неуклюжему, истеричному Джону Шейду
Мусолить тебе лицо, и ухо, и лопатку?

Мы сорок лет женаты. По крайней мере
Четыре тысячи раз твоя подушка была измята
Обоими нашими головами. Четыреста тысяч раз
Высокие часы хриплым вестминстерским боем
Отметили наш общий час. Сколько еще
280 Даровых календарей украсят собой кухонную дверь?

Я люблю тебя, когда ты стоишь на траве,
Вглядываясь в листву дерева: «Оно исчезло.
Такое маленькое. Оно, может быть, вернется»
(все это

Шепотом нежнее поцелуя).
Я люблю тебя, когда ты зовешь меня полюбоваться

Розовым следом реактивного самолета
над пламенем заката.
Я люблю тебя, когда ты напеваешь, укладывая
Чемодан или фарсовый одежный мешок с круговой
Застежкой-молнией. А всего сильнее, я люблю тебя,
390 Когда задумчивым кивком ты приветствуешь
ее призрак,
Держа на ладони ее первую игрушку или глядя
На открытку от нее, найденную в книге.

Она бы могла быть тобою, мной или забавной
смесью:
Природа выбрала меня, чтоб вырвать и истерзать
Твое сердце — и мое. Сперва мы, улыбаясь,
говорили:
«Все маленькие девочки — толстушки»
или «Джим Мак-Вей
(Наш окулист) исправит эту легкую
Косинку в два счета». И позднее: «Она будет совсем
Хорошенькой, поверь»; и, пытаясь утишить
300 Нарастающую муку: «Это неловкий возраст».
«Ей надо», говорила ты, «учиться ездить верхом»
(Избегая встретить взглядом мой взгляд).
«Ей надо играть
В теннис или в бадминтон. Меньше крахмала,
больше фруктов!
Может быть, она и не красотка, но мила».

Все было зря, все было зря. Награды, полученные
За французский и историю, доставляли, конечно,
радость;
Рождественские игры бывали, конечно, грубоваты,
И одна застенчивая маленькая гостья могла
оказаться исключенной;
Но будем справедливы: меж тем как дети ее лет

310 Представляли эльфов и фей на сцене,
Которую *она* помогла расписать для школьной
пантомимы,

Моя кроткая девочка изображала Мать-Время,
Сгорбленную уборщицу с помойным ведром и метлой,
И, как дурак, я рыдал в уборной.

Еще одна зима была выскреблена, вычерпана

до конца.

Весенние белянки появились в мае в наших лесах.

Лето было выкошено механическими косилками,

и осень сожжена.

Увы, гадкий лебеденок так и не превратился

В многоцветную лесную утку. И опять твой голос:

320 «Но это предрассудок! Будь доволен,

Что она невинна. Зачем преувеличивать

Физическую сторону? Ей *нравится* быть чучелом.

Девственницы писали *блистательные* книги.

Иметь роман — это не все в жизни. Красота

Не *столь* необходима!» А старый Пан

По-прежнему взывал со всех цветных холмов,

И по-прежнему не умолкали демоны нашей жалости:

Ничьи губы не разделят помады на ее папиресе;

Телефон, звонящий перед балом

330 Каждые две минуты в Сороза-Холле,

Никогда не зазвонит для нее; и, с оглушительным

Скрежетом шин по гравию, к воротам,

Из отполированной ночи, в белом кашне поклонник

Никогда не заедет за ней; она никогда не пойдет,

Мечтой из тюля и жасмина, на этот бал.

Мы, однако, послали ее в шато во Франции.

Она вернулась в слезах, после новых поражений,

С новыми горестями. В те дни, когда все улицы

Колледж-Тауна вели на футбольный матч,

она сидела

340 На ступеньках библиотеки, читала или вязала;

По большей части одна или с милой,

Хрупкой подругой, ныне монахиней; и, раз или два,

С корейским студентом, который слушал мой курс.

У нее были странные страхи, странные фантазии,

странная сила

Характера, — так, однажды она провела три ночи,
Исследуя какие-то звуки и огоньки
В старом амбаре. Она оборачивала слова:

кот, ток,

Ропот, топор. А «колесо» было «оселок».

Она звала тебя «кузнечик-поучитель».

- 350 Она улыбалась очень редко, и только
В знак боли. Она с ожесточением
Критиковала наши планы и, без выражения
В глазах, сидела на несделанной постели,
Расставив опухшие ноги, чесала голову
Псориазными пальцами и стонала,
Монотонно бормоча жуткие слова.

Она была моей душенькой — трудной, угрюмой,

Но все же моей душенькой. Ты помнишь те

Почти безмятежные вечера, когда мы играли

- 360 В маджонг или она примеряла твои меха, делавшие
Ее почти привлекательной, и зеркала улыбались,
Свет был милосерден, тени мягки.

Иногда я помогал ей с латынью,

Или же она читала в своей спальне, рядом

С моим флюоресцентным логовом, а ты была

В своем кабинете, вдвое дальше от меня,

И время от времени я слышал оба голоса:

«Мама, что такое *grimpen*¹?» «Что такое что?»

«Grim Pen»²

Пауза, и твое осторожное объяснение. Потом опять

- 370 «Мама, что такое *chtonic*³?» ты объясняла и это,

Добавляя: «Хочешь мандарин?»

«Нет. Да. А что значит *sempiternal*⁴?»

Ты колеблешься. И я с энтузиазмом рычу

Ответ из-за стола, сквозь закрытую дверь.

¹ Взбираться.

² Зловещее перо.

³ Хтонический.

⁴ Вековечный.

Ты вопросительно взглянула на запыстье:

«Восемь пятнадцать.

(Тут время раздвоилось.) Я включу». Экран
В своем пустом бульоне породил жизнеподобную
муть,

И хлынула музыка.

Он бросил на нее один лишь

взгляд

*И пронзил благожелательную Джейн смертоносным
лучом.*

Мужская рука провела от Флориды до Мэна
Кривые стрелы Эоловых войн.

410 Ты сказала, что позднее нудный квартет —
Два писателя и два критика — будет обсуждать
Судьбу поэзии на Восьмом канале.
С пируэтом выпорхнула нимфа, под белыми
Крутящимися лепестками, чтобы в весеннем обряде
Преклонить колени в лесу перед алтарем,
На котором стояли различные туалетные
принадлежности.

Я поднялся наверх и правил гранку
И слушал, как ветер гоняет шарики по крыше.
«Взгляни, как пляшет нищий, как поет

420 Калека» — это явно отдает вульгарностью
Того абсурдного столетия. Потом раздался снизу
твой зов

Мой нежный пересмешник.

Я поспел, чтобы услышать краткий отзвук славы
И выпить с тобой чашку чая: мое имя
Было упомянуто дважды, как обычно тотчас позади
(На один топкий шаг) Фроста¹.

«Вы правда не против?»

*Я успею на экстонский самолет, потому что, знаете,
Если я не прибуду к полуночи с монетой...»*

¹ Frost по-английски «мороз». Фамилия знаменитого американского поэта.

А затем было нечто вроде кинопутешествия:
430 Диктор сквозь туман мартовской ночи,
Где издалека фары росли и приближались,
Как расширяющаяся звезда, доставил нас
К зеленому, индиговому и коричневатому морю,
Которое мы посетили в тридцать третьем году,
За девять месяцев до ее рождения. Сейчас оно
было

Рябым и едва ли могло бы напомнить
Ту первую долгую прогулку, беспощадный свет,
Стаю парусов (один был голубой среди белых,
В странной дисгармонии с морем, а два были
красные),
440 Человека в старом блейзере, крошившего хлеб,
Теснившихся, невыносимо громких чаек
И одинокого темного голубя, переваливающегося
в толпе.

«Это не телефон?» Ты прислушалась у двери.
Молчание. Подняла программу с пола.
*Вновь фары сквозь туман. Не было смысла
Тереть стекло. Только часть белого забора
Да отсвечивающие дорожные знаки проходили,
разоблаченные.*

«А мы совсем уверены, что она поступает
как надо?» спросила ты.
«Ведь это, в сущности, свидание с незнакомым».
450 Что ж, давай посмотрим предварительный показ
«Раскаяния»?

И, в полном спокойствии, мы позволили
Знаменитому фильму раскинуть свой
зачарованный шатер,
Явилось знаменитое лицо, красивое и бездушное:
Полуоткрытые губы, влажные глаза,
На щеке «зернышко красоты»,
странный галлицизм,

И округлые формы, расплывающиеся в призме
Всеобщей похоти.

*«Пожалуй», она сказала,
«Я здесь сойду». «Это только Локенхед».
«Да, хорошо». Держась за поручень, она взгляделась
460 В призрачные деревья. Автобус остановился.
Автобус исчез.*

Гром над джунглями. «Нет, только не это!»
Пэт Розовый, наш гость (антиатомная беседа).
Пробило одиннадцать. Ты вздохнула. «Боюсь,
Больше нет ничего интересного». Ты сыграла
В рулетку телестанций: диск вращался и щелкал.
Рекламы были обезглавлены. Мелькали лица.
Разинутый рот был вычеркнут посреди песни.
Кретин с бачками собрался было
Прибегнуть к пистолету, но ты его опередила.
470 Жовиальный негр поднял трубу. Щелк.
Твое рубиновое кольцо творило жизнь
и полагало закон.
Ах, выключи! И пока обрывалась жизнь,
мы увидали,
Как булавочная головка света сокращалась
и умерла в черной
Бесконечности.

*Из приозерной хижины
Сторож, Отец-Время, весь седой и согбенный,
Вышел со своим встревоженным псом и побрел
Вдоль берега сквозь тростники. Он опоздал.*

Ты кротко зевнула и поставила на место тарелку.
Мы услышали ветер. Мы услышали, как он несся
и швырял
480 Ветки в стекло. Телефон? Нет.
Я помог тебе с посудой. Высокие часы
Продолжали крушить юный корень, старую скалу.

«Полночь», сказала ты. Что полночь молодым?
И внезапно праздничный блеск прошел
По пяти кедровым стволам, выступили пятна снега,
И патрульная машина на нашей ухабистой дороге
Остановилась с хрустом. Снимите, снимите снова!

Люди думали, что она пыталась пересечь озеро
В Локен-Неке, там, где азартные конькобежцы
пересекают его

490 От Экса до Уая в особо морозные дни.
Другие полагали, что она могла сбиться с дороги,
Свернув налево от Бриджроуда; а иные говорят,
Что она покончила со своей бедной юной жизнью.
Я знаю. Ты знаешь.

То была ночь оттепели, ночь ветра
С великим смятением в воздухе. Черная весна
Стояла тут же за углом, дрожа
В мокром звездном свете, на мокрой земле.
Озеро лежало в тумане, с наполовину затонувшим
льдом.

Смутная тень ступила с заросшего тростником
берега

500 В похрустывающую, переглатывающую топь
и пошла ко дну.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

*L'if*¹, безжизненное древо! Твое великое
«быть может», Рабле:
Le grand Peut-être, «Грандиозная патата»².
I. P. H., мирской
Институт (Institute: I) Подготовки (Preparation: P)

¹ По-английски «если», по-французски «тис».

² Игра слов на французском «peut-être» и английском «potato» (картофель).

К Потустороннему (Hereafter: H), или «ЕСЛИ»,
как мы
Называли его — великое если! — пригласил меня
на семестр
Читать о смерти («преподавать Червя»,
Как мне писал президент Мак-Абер¹).

Ты и я,

И она, совсем еще крошка, переехали из Нью-Уая
В Юшейд (Тень Тиса), в другом,
выше расположенном, штате.

510 Я люблю высокие горы. От железных ворот
Ветхого дома, который мы там сняли,
Был виден снежный очерк, столь далекий
и столь прекрасный,
Что оставалось лишь вздохнуть, как будто
Это могло помочь к ним приобщиться.

IPH

Был и ларвориум и фиалка:
Могила раннею весной Разума. И все же
Он упустил самую суть; он упустил
То, что всего важней любителю былого;
Ибо мы умираем с каждым днем; забвение
процветает

520 Не на сухих бедряных костях, а на налитых кровью
жизнях,
И наши лучшие «вчера» — сегодня только куча сора,
Измятых имен, телефонных номеров
и пожелтевших папок.

Готов я стать цветочком
Или жирной мухой, но никогда не позабыть.
И я отвергну вечность, если только
Печаль и нежность
Смертной жизни, страсть и боль,
Винного цвета хвостовой огонь уменьшающегося
самолета
Близ Веспера; твой огорченный жест,

¹ *Macabre* — зловещий.

530 Когда ушли все папиросы, то, как
Ты улыбаешься собакам; след серебристой слизи,
Оставленный улиткой на каменной плите;
и эти добрые чернила, эта рифма,
Эта картотечная карточка, это тонкое резиновое
кольцо,
Свивающееся в восьмерку, если уронишь —
Не предстоят новоумершим в небесах,
Хранимые годами в их твердых.

Вместо этого
Институт считал, что, может быть, разумней
Не слишком много ожидать от рая:
Что́ если некому там встретить
540 Новоприбывших, нет ни приема, ни
Индоктринации? Что́ если вас кидают
В безбрежность пустоты, потерявшего ориентацию,
Оголенного духом, совершенно одинокого,
Не завершившего того, что начал,
В никому не ведомом отчаянии, с начавшим
разлагаться телом,
Неудобораздеваемого, в будничном платье, —
Меж тем как ваша вдова лежит ничком
на смутной постели, —
Сама, как смутное пятно в вашей растворяющейся
голове!

Презирая всех богов, со включением большого «Б»,
550 ИРН заимствовал периферийные осколки
Мистических прозрений и предлагал советы
(Янтарные очки, против затмения жизни),
Как не впасть в панику, пока тебя превращают
в духа:
Бочком, скользя, как выбрать гладкую кривую
и лететь, словно на салазках,
Навстречу плотным предметам, проскальзывать
сквозь них
Или давать другим сквозь вас передвигаться.
Как, задохнувшись в черноте, определить

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчицы. <i>Вера Набокова</i>	5
--	---

БЛЕДНЫЙ ОГОНЬ

Перевод Веры Набоковой

Предисловие	9
БЛЕДНЫЙ ОГОНЬ. <i>Поэма в четырех песнях</i>	23
Песнь первая	25
Песнь вторая	30
Песнь третья	42
Песнь четвертая	54
Комментарий	61
Указатель	273

ПРИЛОЖЕНИЕ

PALE FIRE. <i>A Poem in Four Cantos</i>	287
---	-----

Набоков В.

Н 14 Бледный огонь : роман / Владимир Набоков ; пер. с англ. В. Набоковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 320 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-03686-4

Роман «Бледный огонь» Владимира Набокова, одно из самых неординарных произведений писателя, увидел свет в 1962 году. Выйдя из печати, «Бледный огонь» сразу попал в центр внимания американских и английских критиков. Далеко не все из них по достоинству оценили новаторство писателя и разглядели за усложненной формой глубинную философскую суть его произведения, в котором раскрывается трагедия отчужденного от мира человеческого «я» и исследуются проблемы соотношения творческой фантазии и безумия, вымысла и реальности, временного и вечного. Однако, несмотря ни на что, это наиболее трудное и непрозрачное англоязычное произведение Набокова стало бестселлером, породив по прошествии некоторого времени множество литературоведческих исследований. В настоящем издании роман печатается в переводе, выполненном Верой Набоковой.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

Литературно-художественное издание

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ НАБОКОВ
БЛЕДНЫЙ ОГОНЬ

Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Алексея Соколова
Корректоры Людмила Ни, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 05.03.2018.
Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 14,1. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93
www.aoompk.ru, www.aoompk.ru
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Y-BAK-9629-04-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/